

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-50-57

С.В. Кудряшов**ВНУТРЕННЯЯ СТОРОНА КУЛЬТУРЫ: НЕМЕЦКИЙ СЛЕД
В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ РОМАНТИЗМА
И НЕОРОМАНТИЗМА**

В статье рассматриваются вопросы проблематики, связанной с началом осмысления внутренней стороны культуры в ее отношении к внешним проявлениям социокультурной динамики. В общеевропейском культурном поле выделяется немецкая культура, как изначально склонная к анализу внутренней стороны бытия. На примере концепций конкретных представителей романтического и неоромантического течений делается вывод о том, что в истоках немецкой национальной культуры содержится символика, отраженная в исследованиях, посвященных изучению внутренних процессов, определяющих внешние проявления деятельности человека в общеевропейском культурном поле.

Ключевые слова: внутреннее в культуре, романтизм, неоромантизм, мифология, иррациональное, бессознательное, Новалис, Вагнер, Юнг, Ницше.

Актуальность темы исследования. Наряду с общими тенденциями, в культурной динамике всегда есть национальные факторы, которые, будучи поначалу уникальными, становятся потом частью целого. Для исследований в области скрытой мотивации поведения человека, которые актуальны не только для психологии, но в полной мере и для культурологии, эти факторы становятся важными и существенными при анализе в области смыслообразования.

В этой связи в области изучения истоков причинно-следственных основ культуры европейского типа, выходящих за пределы обыденного мышления, исследование немецкого культурного наследия становится важным и своевременным, поскольку начиная с XIX в. вопросы, касающиеся теневой стороны сознания, поднимались в основном представителями немецкой культуры, начиная с деятелей романтического течения.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема соотношения немецкой национальной культуры и вопросов, относящихся к проблематике смыслообразования человека европейской культуры в целом, в культурологии напрямую практически не ставилась. Однако вопросы «внутреннего» в области сознания поднимались начиная с XIX в. в психологии, в основном представителями германоязычного мира.

Цель исследования. Изучение, анализ и обобщение проблематики, связанной с теневой стороной сознания в культуре на примере конкретных идей и воззрений.

Задачи исследования:

– обозначить специфику немецкого языкового сознания, восходящего к немецкой национальной культуре, в котором прослеживаются образы и символы теневой стороны бытия;

– выделить ряд ярких представителей тенденции и найти в их концепциях признаки искомой проблематики;

– проанализировать выделенные идеи в сравнении с культурной ситуацией соответствующих периодов;

– исходя из полученных результатов, определить дальнейший возможный путь исследования.

Аналитическая часть исследования. Взаимосвязь внешних и внутренних аспектов в культуре, образуя единую культурную среду, тем не менее предполагает локализацию и изучение смыслообразующих узлов, определение идентичности которых дает возможность анализировать особенности целого и видеть общее поле проблематики. Особый оттенок здесь приобретают национальные факторы, которые при своей изначальной уникальности становятся частью целого.

Данная статья относит нас к предпосылкам аналитического отношения к проблематике, которая появляется в культуре европейского типа еще в ранние христианские времена как противостояние богоподобного и греховного, но становится объектом осмысления в отрыве от религиозной догматики лишь в XIX веке, проявляясь как в искусстве, так и в научных концептуальных изысканиях. Речь идет о становлении романтических и неоромантических идей – со времен появления романтического течения в культуре. В ходе этого становления, в силу разных причин, внутренние аспекты культуры становятся объектом для пристального и разностороннего изучения. Действительно, то, что сейчас стало достоянием науки, исследующей скрытую мотивацию поведения человека, во многом исходит именно из романтического культурного поля, распространившего свое влияние на все виды внятной человеческой деятельности. Эта фаза культурной динамики дает нам устойчивый ракурс отношения к внутреннему или подсознательному в культуре и становится необычайно важной для исследования. Но любое исследование предполагает комплексный подход, в ходе которого становится необходимой некоторая конкретизация предпосылок общего. Для нас тоже становится важным выделение базисных причин аналитического отношения к внутренним аспектам культуры, складывающимся потом в единое целое.

В рамках проблематики данной статьи речь идет о национальном факторе, как одной из причин общего. Точнее будет сказать – о немецкой, или, в более широком смысле, германоязычной культуре, которая, кстати, выступает инициатором романтических тенденций вообще. Семантика этой культуры изначально склонна как к мистицизму, так и к осмыслению потустороннего. Все это дает импульс для дальнейшего, в том числе и научного исследования «темной» стороны сознания.

В этой связи, говоря о соотношении «внешнего» и «внутреннего» в современной культуре, необходимо обратиться к истокам тенденции, чтобы, оттолкнувшись от них, говорить о феномене в целом. И в первую очередь нас будет интересовать внутренняя – «тенева» сторона того, что проявляется во внешних культурных формах. Разговор о немецкой средневековой мистике придется оставить за скобками, поскольку в рамках отдельной статьи невозможно объять необъятное. Поэтому мы будем исходить из немецкой культуры как таковой, которая, кстати, восходя к древнегерманской, имеет отношение к средним векам, так как появляется не ранее X века.

И начать следует с изложения известного факта: с того, что немецкая культура вообще тяготеет к ночной стороне бытия. То есть по большому счету к тому, что вызревает, спрятанное от всех, в недрах оборотной стороны позитивного мира, но, вне всяких сомнений, формируя при этом его видимые, внешние проявления. Обращаясь к образной аналогии, можно сказать, что именно ночью растут цветы и прочие растения, но только днем мы замечаем их видимый рост. Ночью меняется погода. Ночью формируется многое. Ночь – это утроба бытия, рождающая видимую реальность и дающая нам то, что в полной мере проявляется днем.

В этой связи в первую очередь можно вспомнить Новалиса (Фридриха фон Гартенберга), представителя раннего немецкого романтизма, – с его «Гимнами к ночи» (“*Hymnen an die Nacht*”), у которого «смерть, ночь, могила как бы становятся квинтэссенцией космического совершенства» [1. С. 138] и который сам обращает взор

«к святилищу загадочной, неизъяснимой ночи» [2. С. 146]. Можно сказать, что с личной точки зрения Новалис имеет в виду могилу Софи Кюн, своей рано ушедшей возлюбленной, говорит о «возможности такой неизменной любви, которая, как ему кажется, не прекращается даже после смерти» [3. С. 328], но так или иначе в романтическом смысле речь здесь однозначно идет о торжестве смерти в ее противопоставлении Свету, то есть в нашем случае об оборотной стороне природы, составляющей, по сути дела, основу бытия. Это может показаться странным, но Н.Я. Берковский, анализируя творчество Новалиса, говорит о том, что ночь у Новалиса дана как некий творческий образ, противоположный прозаическому дню, что «мрак могильный есть величайшее из благ» [4. С. 176]. При этом привычный образ смерти разрушается и ему «придается положительная ценность» [4. С. 176]. Внутренней сути природы, составляющей средоточие бытия, в романтической концепции как раз и придается положительная направленность. А в целом природа как с внешней стороны, так и в виде ее теневой, внутриутробной части – это организм, работающий, самовоспроизводящийся и являющий собой основу мира как такового. Но только лишь в недрах этого организма, в невидимом его нутре вызревает его подлинная суть.

Новалис «Гимнами к ночи» показывает нам то, что синтез внешнего и внутреннего начал, так актуальный для современного понимания комплексного бытия человека, концептуально проявился именно в ходе становления романтического течения в культуре, как совокупная творческая и научная проблема, относящая нас как к мистике, так и к культурно-исторической проблематике. Впрочем, и мистика, и культурно-историческая проблематика, как и, например, психологические изыскания – в том их виде, в котором они встречаются в романтических творческих и научных концепциях, зачастую переходят одни в другие, составляя, по сути дела, единый смысловой конструкт, временами доходящий до «научного мистицизма». Но тем не менее именно здесь мы видим начало нашего современного отношения к «изнанке бытия», имеющей значение, как уже указывалось ранее, и в психоанализе, и в философии, и в искусстве.

Но Новалис здесь не одинок. Для обсуждения внешнего и внутреннего в культуре романтизма и неоромантизма можно обратиться, например, к концепциям Р. Вагнера и К.Г. Юнга. Почему? Во-первых, их творческие и научные поиски задаются общим культурным фоном романтических и неоромантических тенденций (Вагнер, как представитель романтизма, не вызывает здесь никаких сомнений, что касается Юнга, то период его становления связан с неоромантическими тенденциями в культуре, что во многом отражается в его научных концепциях). А во-вторых, Вагнер и Юнг – это две величины, две ярко выраженных идеи, в которых общая тенденция становится наиболее проявленной, поскольку оба доводят свои поиски до синтеза науки и искусства. И, что немаловажно, это люди германоязычной культуры, для которой, как уже указывалось выше, непроявленное составляет не просто интерес или мистическую практику, а своего рода вызов, который требует исследования и концептуализации, несмотря на его некоторую иррациональность.

Следует, однако, все-таки отметить то, что к иррациональному, мистическому стремились многие – особенно на фоне все более утверждающего себя в XIX – нач. XX в. позитивизма. В этом утверждении иррационального в рациональном мире мы можем в массе своей усмотреть попытку просто сказать о том, что жизнь человека гораздо сложнее, чем рефлексия белкового организма на раздражение. Но и Вагнер, и Юнг не просто утверждают человеческое в механистическом бездушии рационального бытия. Они, каждый по-своему, анализируют теневую сторону жизни. Для них необычайно важной становится «медиумная» составляющая, своего рода галлюцинация психически здорового человека, определяемая особой подвижностью его психики, существующей между «внешним» и «внутренним», – то есть своего рода пограничным состоянием. При этом у них не идет речи о разложении личности, то есть о ее

приобщении к патологии. Наоборот, в этих условиях усиливаются интуитивные качества человека, которые, при взаимодействии с глубинами коллективного бессознательного, выводят наружу то, что всегда спрятано очень глубоко и существует в интуитивном поле. А интуиция делает бессознательное сознательным, наделяя его прямой смысловой наполненностью и облекая в конкретную форму бесформенные образы сознания – согласно семантическим основам культуры.

Эта конкретика морфологического у Вагнера и Юнга проявляется по-разному: Юнг таким образом выявляет лежащие за пределами сознания личностные фрагменты присутствия человека в поле бытия, Вагнер же эстетизирует эту форму. Юнг пытается объединить внутреннее и внешнее. Вагнер – внутреннее выражает внешним. У Юнга вся культура становится предметом аналитической психологии. Вагнер по-своему пытается преодолеть «беспочвенность западного мышления» [5. С. 95], формируя из мифологической символики германоцентричной архаики новую смысловую парадигму. Но, несмотря на эту разницу, и того и другого можно объединить в одном – в стремлении показать внутреннее, как область рождения мифологемы разума. Она рождается из глубин архаического, растворенного в непроявленной области сознания, но конкретика которого может ошибочно указать на внешнюю логику его организации.

В этом скорее всего состоят истоки синтетического подхода как Вагнера, так и Юнга к осмыслению бытия. Здесь мы видим и обобщение сторон внутреннего, и обобщение внутреннего с внешним. Бытие у них – это синтез полярных сторон присутствия человека в смысловом пространстве. Поэтому Вагнер конституирует синтез искусств, а Юнг создает проблемное поле синтетического истолкования бессознательного.

Можно сказать, что Вагнер творит свою собственную новую мифологию на основании мифологических же эпических сюжетов, придавая им свой синтетический характер, например, эпосу о Нибелунгах. Как известный текст, этот эпос говорит нам в основном о людях в их взаимодействии друг с другом. Исследователи эпоса также склонны видеть в его тексте отражение реальных исторических событий, происходивших во времена великого переселения народов.

Действительно, мы можем прочесть о деяниях «былых богатырей», о событиях, происходивших в «земле бургундов». В произведении фигурируют короли, знатные дамы, воины. Удельный вес сказочных существ по отношению к ним не так велик. Среди научных трактовок есть версия, согласно которой само слово «нибелунги» происходит от корня, который встречается «в словах, обозначающих царство мертвых» [6. С. 317], и употребляется в древних преданиях в значении «жители подземного царства, цверги, хотя и использовалось для обозначения людей» [6. С. 317].

Можно сказать, что возникшая в недрах христианской рыцарской культуры «Песнь о Нибелунгах», восходящая, правда, к более древним сказаниям, не могла содержать в своем тексте чрезмерной архаики. Вагнер же, используя его сюжетную линию, дает нам архаическую картину синкретического мира, где боги и люди существуют в едином пространстве, и их взаимодействие показано как повседневная данность. Это, несмотря на известную схематику, уже новая мифология – мифология от Вагнера, которая начинает играть в культуре свою собственную роль. Усиливая эффект, Вагнер отводит достойное место визуализации этого синтеза, – таким образом появляется его космогония бытия, совмещенная с хаотическим началом.

Юнг же превращает мифологию в упорядоченное движение психики, описанное, определенное и научно обоснованное, оставляя при этом недосказанность и, следовательно, возможность для маневра.

И в том и в ином случае мифология восходит к цельному восприятию бытия как синтеза сознательного и бессознательного, космического и хаотического, – в сравнительном сопоставлении дневного и ночного начал.

Есть еще одна проекция, которая тоже может быть интересна в контексте данного исследования – ночь, в числе прочего, ассоциируется со сном. Сон можно считать проявленным бессознательным, которое оформлено сюжетно и предметно. Зачастую сон имеет начало и конец, а также некую фантастическую канву, которой вполне можно удивляться и радоваться.

В этой связи уже нельзя не упомянуть некоторые тезисы Ф. Ницше. Во-первых, с его противостоянием и одновременно синтезом аполлонического и дионисийского начал (тем более что сам Ницше использует в своем знаменитом сочинении вагнеровскую тему), а во-вторых, он в данном контексте говорит и о «глубокой внутренней радости сновидения» [7. С. 68], которая выступает результатом грез и иллюзий. Но для этого есть одно условие – «для возможности грезить с этой глубокой радостью созерцания» [7. С. 68], необходимо «забыть день с его ужасной навязчивостью» [7. С. 68]. Условие сомнительное, однако действительно необходимое для достижения результата утверждения и анализа фантазии, грезы и бессознательных проявлений культурных наслоений сознания. Ницше противопоставляет день и ночь, обозначая тем истоки особой «радости», грезы и бессознательных проявлений культурных наслоений сознания по отношению к бодрствованию и самоконтролю. В этом противопоставлении и рождается синтез сознательного трезвения и таинства сна, в котором сон выступает инициатором того самого конечного результата, будучи производным от дионисийского начала. Ницше размышляет о том, что «из дионисических основ немецкого духа возникла сила» [7. С. 135], которая проявилась в культуре «как нечто необъяснимо ужасное и враждебно мощное» [7. С. 135]. В музыке Ницше прослеживает эту силу как «могучий солнечный бег от Баха к Бетховену и от Бетховена к Вагнеру» [7. С. 135]. Ночная сторона бытия тоже становится у него определяющей в становлении феноменальной стороны культуры, создавая фундамент для построения целого.

Возвращаясь к Вагнеру и Юнгу, можно сказать, что именно на этом фундаменте они и строят – каждый свое – понимание идей и принципов, сходящихся в научном мировоззренческом поле. Юнг – априори человек науки, Вагнер о занятии музыкой пишет, что немец «занимается ею как наукой» [8. С. 50], хотя Юнг размежевывает искусство и науку, говоря о том, что «искусство в своем существе – не наука, а наука в своем существе – не искусство» [9. С. 284]. Несмотря на это, мы и в том и в другом находим общее: рождение из тьмы, мрака бессознательного внешних образов культуры, многие из которых несут в себе признаки фантазийного, определяемого «изначальными» образами, в которых «известные сказочные образы и мотивы повторяются на всей Земле в одинаковых формах» [10. С. 105].

Сказочные образы и мотивы мы в первую очередь видим в фольклоре, который тоже можно считать теневой стороной культуры. Немецкий фольклор своей сюжетной линией тоже во многом дает ночную проекцию культуры. Именно из фольклора первыми начинают брать свои собственные сюжеты деятели искусств немецкой романтической школы, именно представители немецкой культуры несколько позже, в эпоху неоромантизма, первыми говорят о бессознательном на примере продуктов наследуемых структур мозга, состоящих во многом из архаических образов, в том числе отраженных в фольклоре. Фольклор же всегда отражает древнейшие пласты первобытности и язычества, растворенные в природных ритмах низовой культуры.

Считается, что «немецкие романтики, выступившие как непосредственные ученики Гете, получили от него поэтическое чувство природы» [11. С. 3]. Но, говоря о природе, В. Гете имел в виду ее потенциальные возможности во всем их многообразии. Природа для него являла некую непознанную бездну, в которой, во взаимообусловленной зависимости, содержатся все предпосылки мира. Немецкие же романтики, будучи, как принято считать, учениками Гете, тем не менее сделали существенный акцент на ночной стороне природного потенциала, соединив его с устоявшейся в немецкой культуре со времен Средневековья мистической традицией.

Справедливости ради надо сказать о том, что, к примеру, Р. Вагнера, на первый взгляд трудно назвать мистиком. Хотя чисто романтическое восприятие природы как «всего и вся» мирового устройства и мировой потенции у него присутствует в полной мере. Когда мы читаем у него, что человек появляется тогда, когда «природа развилась до такого состояния, которое заключало в себе условия для существования человека» [8. С. 143], а также то, что искусство возникло само собой, «когда жизнь человека создала условия для возникновения художественного произведения» [8. С. 143], мы понимаем, что мистицизм у Вагнера может быть связан с «порождающей и творящей силой в жизни человека» [8. С. 143], – то есть природой, загадочной и самодостаточной в своем основании. Но так или иначе за счет своих художественных образов и сюжетов Вагнер принадлежит специфике именно немецкого романтизма и выступает как один из основателей сознательного отношения к внутренним аспектам культуры.

Подытожим вышесказанное: проблематика соотношения внешнего и внутреннего в культуре, присутствующая в современном научном поле, в более широком смысле отражает конфликт сознательного и бессознательного начал, актуальный в первую очередь для психологической науки. Но культурология, например, говоря о ментальных структурах, которыми опосредуется любой акт восприятия, и о том, что это в первую очередь связано с культурной средой – тем не менее смыкается тут с психологией, которая, первично видя здесь деятельность мозга, тем не менее (в лице, например, культурно-исторической психологии) тоже говорит об историческом развитии этих структур. Глубинная психология в лице психоанализа и психотерапии, ориентированных на наблюдение бессознательных психических процессов, как раз и говорит нам о конфликте внешнего и внутреннего начал психики. С точки зрения этих течений психологии и с точки зрения теории и истории культуры внутреннее определяет внешнее. И здесь эта общая точка зрения тоже вступает в конфликт с научными трактовками сознательного существования человека, ограничивающимися внешней стороной его жизни.

В этой конфликтной ситуации есть свои смысловые узлы, трактовка которых помогает понимать суть проблематики, важной для многих наук. И в этой связи, как один из объектов исследования, становится актуальной немецкая разновидность романтического культурного течения, во многом ориентированная на ночную сторону бытия, которую в нашем случае можно сопоставить с внутренней стороной культуры, относящейся к науке, искусству, литературе XIX–XX вв.

В этой связи актуальным становится исследование проблематики через научные и творческие концепции представителей романтизма и неоромантизма. В данной статье мы обращались к идеям Р. Вагнера, К.-Г. Юнга, Ф. Ницше, Новалиса (Ф. фон Гартенберга), но этим рядом представителей романтизма и неоромантизма контекст исследования, конечно, не исчерпывается. Многие из принадлежащих к германоязычному миру, будучи деятелями разных областей культуры, так или иначе поднимали вопрос о внутреннем в культуре – каждый по-своему. Поэтому направлениям в современной науке, предполагающим раскрытие внешнего через процессы, происходящие во внутреннем поле культуры, может быть полезным обращаться к феноменам, возникшим в поле немецкого романтизма и неоромантизма, – это определяется спецификой мироощущения германоязычного мира, во многом через феномены науки и искусства, распространившейся на общеевропейские культурные тенденции. Во всяком случае это может помочь интерпретировать трансформации в культуре с разных точек зрения и в русле разных подходов. Таким образом, как указывалось в начале статьи, можно будет увидеть общее поле проблематики, что всегда выступает одним из условий любого научного подхода.

Литература

1. Кудряшов С.В. «Гимны к ночи» Новалиса в контексте христианского учения о рае и аде // Начало. 2013. Т. 28. С. 138–141.
2. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003. 280 с.
3. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. СПб.: Наука, 2007. 893 с.
4. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. А.В. Михайловой. М.: Академический Проект, 2008. 528 с.
6. Адмони В.Г. «Песнь о Нибелунгах» – ее истоки и ее художественная структура // Песнь о Нибелунгах. Л.: Наука, 1972. 344 с.
7. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М.: Мысль, 1990. 829 с.
8. Вагнер Р. Избранные работы. М.: Искусство, 1978. 695 с.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2022. 336 с.
10. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014. 320 с.
11. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома; Новатор, 1996. 232 с.

The Inner Side of Culture: The German Trace in the Conceptual Theories of Romanticism and Neo-Romanticism

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2023, 2 (89), 50–57.
DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-50-57

Sergey V. Kudryashov, Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint-Petersburg, Russian Federation), skudr33@mail.ru

Keywords: inner in culture, romanticism, neo-romanticism, mythology, irrational, unconscious, novalis, wagner, jung, Nietzsche.

The purpose of this article can be considered the study, analysis and generalization of issues related to the shadow side of consciousness in European culture. In the pan-European cultural field, German culture stands out as initially inclined to analyze the inner side of being. Using the methods of systemic and typological approaches aimed at obtaining theoretical knowledge, the author shows that the attitude to the internal in culture within the framework of modern science is rooted in the specifics of the German linguistic consciousness, which, in turn, goes back to the German national culture. It was the attitude to the internal aspects of German culture that became the key to the analysis of the unconscious, which determines the external manifestations of a person, primarily his behavior. The article says that the questions of the “internal” in the field of consciousness were raised, starting from the 19th century, in psychology, mainly by representatives of the German-speaking world, which once again confirms the thesis about the German trace in the study of the problems of the unconscious. In this regard, in the course of the study, for example, the conceptual constructions of Novalis, R. Wagner, K.G. Jung, F. Nietzsche are considered as bright representatives of the trend. Using these concepts as an example, it is concluded that the origins of German national culture contain symbolism, reflected in studies devoted to the study of internal processes that determine the external manifestations of human activity in the pan-European cultural field from the point of view of meaning formation as a whole.

References

1. Kudryashov, S.V. (2013) “Gimny k nochi” Novalisa v kontekste khristiansko-go ucheniya o rae i ade [“Hymns to the Night” by Novalis in the context of the Christian doctrine of heaven and hell]. *Nachalo – Beginning*. 28. pp. 138–141.
2. Novalis (2003) *Genrikh fon Ofterdingen* [Heinrich von Ofterdingen]. Moscow: Lodomir; Nauka.
3. Gaym, R. (2007) *Romanticheskaya shkola. Vklad v istoriyu nemetskogo uma* [Romantic school. Contribution to the history of the German mind]. St. Petersburg: Nauka.
4. Berkovskiy, N.Ya. (2001) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
5. Khaydegger, M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The origin of artistic creation]. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
6. Admoni, V.G. (1972) “Pesn’ o Nibelungakh” – ee istoki i ee khudozhestvennaya struktura [“The Nibelungenlied” – its origins and its artistic structure. In: *Pesn’ o Nibelungakh* [The Nibelungs]. Leningrad: Nauka.
7. Nitshe, F. (1990) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols.]. Vol. 1. Literary monuments. Moscow: Mysl’.
8. Vagner, R. (1978) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Iskusstvo.
9. Yung, K.G. (2022) *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Kanon+; ROOI “Reabilitatsiya”.
10. Yung, K.G. (2014) *Sobranie sochineniy. Psikhologiya bessoznatel’nogo* [Collected works. Psychology of the unconscious]. Moscow: Kanon+; ROOI “Reabilitatsiya”.
11. Zhirmunskiy, V.M. (1996) *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and modern mysticism]. St. Petersburg: Aksioma, Novator.

УДК 75.03

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-57-65

Н.С. Попова

МЕСТО РЕГИОНАЛЬНОГО АБСТРАКЦИОНИЗМА В ИСТОРИИ МИРОВОГО НОН-ФИГУРАТИВИЗМА

В статье рассматриваются вопросы развития регионального абстракционизма с позиции характеристики методов абстрагирования и исторического процесса развития нон-фигуративизма в искусстве XX века. Автор статьи представил этапы творческого пути трех сибирских художников: Н.Д. Грицюка, Т.Н. Грицюк, А.В. Насонова, поместив их в исторический контекст развития абстрактной живописи в Сибири. В результате исследования были сделаны выводы об использовании этими художниками приемов формализма, структурализма и феноменологического подхода.

Ключевые слова: региональное искусство, абстрактная живопись, искусство Сибири, постсоветская живопись.

В современных политических и экономических реалиях протекает острая фаза противоборства идей глобализма и регионализма. В области истории искусства XX века вопрос о месте художников, проживавших в регионах, в конфигурации общих художественных процессов стоит достаточно остро. Так, например, если московские живописцы-абстракционисты вращались в сообществе неофициального искусства, то в